УДК 811.112.2'37(045)

О «ВОССТАНОВЛЕНИИ СТАТУСА» МЕТОНИМИИ В СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

канд. филол. наук, доц. Н.В. ФУРАШОВА
(Минский государственный лингвистический университет)

Обосновывается фундаментальность механизма метонимии, долгое время остававшейся на периферии интересов исследователей, увлеченных метафорой. Действие рассматриваемого механизма отмечается на многих уровнях и во многих сферах языка. В сфере семантики это в первую очередь редукция концептуального содержания по принципу pars pro toto при репрезентации его языковыми средствами. Метафора и метонимия часто идут «рука об руку», имплицируют друга. Метонимические переносы изучались и ранее как регулярные модели семантической деривации, в первую очередь на материале имен существительных. В сфере глагольной лексики действие этого механизма проявляется, с одной стороны, более ярко, с другой – имеет ряд особенностей, вследствие чего термин «метонимический перенос» предстает как не соответствующий речемыслительной реальности. Данные положения демонстрируются на примере немецкого многозначного глагола binden 'связывать'.

Введение. Характерной особенностью современной лингвистической парадигмы является исследование языка не изолированно от других когнитивных способностей человека, а выход за пределы собственно языковой системы и обращение к процессам восприятия окружающего мира, способам обработки и хранения полученной информации и т.п. Это отражает новое понимание сущности языка и предопределяет описание языковых явлений с постоянной референцией к ментальному, или концептуальному, уровню. Одной из задач когнитивной лингвистики становится, таким образом, моделирование когнитивной деятельности человека на основе языковых данных, которые фиксируют ее результаты.

Такая познавательная установка и предопределила в начале развития когнитивной лингвистики огромный интерес исследователей к метафоре, которая стала рассматриваться не просто как языковое (риторическое) средство, а как базовый когнитивный механизм, лежащий в основе всей ментальной деятельности человека. Интересны в этой связи наблюдения исследователей о действии данного механизма при толковании снов, в ритуальных обрядах, построении сказочных сюжетов, когда на мир животных переносятся структуры человеческого общества. Метонимия же долгое время находилась, по общему признанию лингвистов, в тени исследовательских интересов, а потому и изучена она меньше, чем метафора [1; 2, p. 51; 3, p.75], «мы не можем указать для теории метонимии ничего сравнимого с богатой литературой по метафоре» [4, с. 130].

Основная часть. Глубокое изучение метафорических процессов подвело лингвистов к новому пониманию сущности и роли метонимии, что обусловило возросший в последние годы интерес к ней. Как известно, метонимия традиционно рассматривалась как перенос по смежности, в отличие от метафоры, которая представляет собой перенос по аналогии. Сегодня исследователи приходят к выводу, что действие механизма метонимии отмечается во многих (если не во всех) сферах и уровнях языка, и высказывают предположение, что он является не менее базовым, чем метафора, а может, и первичным [5, p. 244; 6, p. 342], согласно одному образному выражению, «вездесущим» («omnipresent») [7, p. 85].

Принцип метонимии лежит в основе современного понимания лексического значения слова, которое соотносится со всей структурой знаний, опыта, эмоций, оценок и т.п., отражая в каждой коммуникативной ситуации (или в каждом отдельном значении) лишь часть этой психической сущности, но открывая, с другой стороны, доступ ко всей структуре (ср. известную «теорию айсберга» Е.С. Кубряковой, а также [2, p. 51]). Он имеет место в акте семиозиса, когда «процесс известной редукции образа, устранения из него каких-то подробностей и деталей, и, значит, замещения более полного целостного образа «вырожденным» его представлением, означает замену его неким символом, условной меткой вещи. Ясно тогда, что мы имеем дело здесь с **метонимией**, в ходе которой происходит субституция **pars** pro **toto**, то есть целое замещается (и репрезентируется) его частью» [8, с. 349].

Называя объекты или ситуации в каждодневной коммуникативной практике, мы должны предварительно осуществить операцию отнесения их к какой-либо категории (операцию идентификации), чтобы затем присвоить им ее имя. С этой целью – правда, протекает это по большей части бессознательно – вновь выделяются определенные признаки, на их основе осуществляется акт сравнения с прототипом и отнесения

объекта в ту или иную категорию, в то время как другие не принимаются во внимание, ср.: *береза – дуб, schneiden 'резать' – stechen 'колоть'*. Не вызывает сомнения тот факт, что абсолютно аналогичных явлений (например, операций по разрезанию чего-либо) и объектов (например, берез) в мире нет. Это значит, что признаки, различающие их, в акте категоризации выводятся из фокуса, игнорируются, а «представителем» объекта становится лишь часть его признаков, получившая статус выделенности.

Таким образом, метонимия, как и метафора, основана на выделении признаков, но отличается большей реальной взаимосвязью замещающих членов. В этой связи важным представляется замечание о том, что метафора также основана на смежности, правда на смежности **концептуальной** [3, p. 91]. Языковые единицы типа *лиса* о хитром человеке, *змея* о коварной женщине или нем. *an das Versprechen, an das Gesetzt gebunden sein* 'быть связанным обещанием, законом' становятся возможными только благодаря тому, что их созданию предшествует **совмещение в сознании** человека двух разных ментальных сфер (доменов) «человек» и «животное» или конкретная ситуация «быть прикованным к чему-либо, иметь связанные руки» и сфера социальной или правовой деятельности соответственно (см. об этом теорию ментальной интеграции).

В этой связи особую значимость приобретает замечание Р. Якобсона о том, что связь между означающим и означаемым основывается главным образом на их **кодифицированной смежности**, что часто обозначают сбивающим с толку выражением «произвольность словесного знака» [1]. Анализируя классификацию знаков Ч. Пирса, Р. Якобсон отмечает, что два из выделенных им трех типов базируются на рассматриваемом механизме. Так, действие *индекса* основано на фактической, **реально существующей смежности** означающего и означаемого, например, дым есть индекс огня, учащение пульса – симптом жара. Действие *символа* основано также на смежности означающего и означаемого, но на **установленной по соглашению**, усвоенной [9, с. 113, выделено мной – *Н.Ф.*]. И наконец, особо Р. Якобсон подчеркивает тезис, высказанный Ч. Пирсом и утверждающий, что в основе разделения знаков на иконические, индексы и символы лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым и не исключительно фактический или исключительно условный характер связи между двумя составляющими, а лишь **преобладание** одного из этих факторов над другими [9, с. 115 – 116, выделено мной – *Н.Ф.*].

Спустя полвека эти идеи получают развитие в рамках когнитивной лингвистики. Нельзя не узнать их в таких аспектах современных исследований метонимии как ее роль в процессах инференции (подобно тому, как человек, интерпретирующий появление дыма, **делает заключение** о наличии огня) или взаимодействие метонимии с метафорой. Сегодня в исследованиях метонимии подчеркивается, что она часто предшествует метафоре и «идет рука об руку» с метафорическим переосмыслением других компонентов высказывания («hand by hand with metaphoric interpretations of other constituents») [3, p. 101; 6, p. 342], что оба процесса часто имплицируют друг друга [10, p. 380]. Ярким свидетельством такой взаимной импликации является синекдоха.

Рассматриваемые когнитивные механизмы настолько взаимосвязаны и нередко не могут быть однозначно определены ни как метафора, ни как метонимия по отношению к исходному значению языковой единицы (оба могут приводить к образным выражениям [3, с. 89], что исследователи вынуждены ввести в лингвистический обиход термин «метафтонимия» («metaphtonymy») [10, p. 381]. Это побудило Р. Дирвена рассматривать отношение между метонимией и метафорой как континуум и ввести в их описание ось, на одном полюсе которой располагается метонимия, на другом метафора, а между полюсами – переносы, проявляющие разную степень метонимичности[1] [3, p. 93]. Таким образом, исследователи признают отсутствие четкой границы между метонимией и метафорой, наличие разных типов метонимии, проявляющих разную степень соответствия прототипу категории, что также свидетельствует о новом понимании рассматриваемых явлений.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к такому языковому явлению, как многозначность. С развитием когнитивной лингвистики интерес исследователей к проблеме многозначности значительно возрос, так как расширительный подход к языку предоставляет новые возможности для решения нерешенных проблем. Одной из таких проблем, которая и занимает лингвистов-когнитологов в первую очередь, является единство многозначного слова, связь его отдельных значений.

Метонимические переносы исследовались и ранее как один из механизмов регулярной многозначности, но, как правило, на именах существительных. Были описаны основные типы переносов: с сосуда на содержимое; с материала на изделия из него; с места, населенного пункта на его население или про-

[1] Отметим, что речь идет о разной степени не метафоричности, а метонимичности, что можно интерпретировано как свидетельство более глобального и базового статуса рассматриваемого явления по сравнению с метафорой.

исшедшее там событие; с места на то действие, для которого оно предназначено, или время действия; с имени автора на название его произведения или созданного им стиля; с целого на часть и наоборот и т.п.

Глаголы реже становились объектом исследований в аспекте действия механизма метонимии. Сложилось даже мнение, что метонимия распространена главным образом среди имен существительных [11]. Но в сфере глагола этот механизм, с одной стороны, проявляется с большей отчетливостью, с другой – имеет свою специфику проявления. Так, Е.С. Кубрякова почти 20 лет назад подчеркивала, что когнитивная модель глаголов действия строится как аналог определенного вида деятельности с полной реконструкцией основных компонентов этой деятельности. Основным компонентом соответствующей ментальной структуры является тот, кто осуществляет действие, сама деятельность, средство или инструмент ее, объект, на который она направлена, и, наконец, цель. Модель отражает также протекание деятельности во времени и в пространстве, ее возможные детали, оценку или квантификации. В семантической структуре глагола – структуре свернутой, компрессирующей – фиксируется один или несколько компонентов из общей схемы, способный затем по принципу метонимии замещать представление о деятельности / действии в целом [12, с. 87 – 88].

При отражении реальных ситуаций на ментальном уровне мы имеем дело с их структурными аналогами, что означает, с одной стороны, подобие, а с другой – редукцию, то есть одновременное действие двух основных мыслительных механизмов – метафоры и метонимии.

Среди лингвистов-когнитологов получило признание положение о том, что любой языковой деятельности предшествует концептуализация ситуации [13, с. 40 и далее; 14, с. 17, 52 и далее], «реально присутствующие я языке частные значения получаются из концептуальной схемы при помощи выбора некоторого подмножества этого набора компонентов и установления коммуникативной иерархии между ними» [13, с. 41].

В ситуации действия объект, выделенный и помещенный в фокус, кодируется в позиции прямого дополнения, остальные компоненты или элиминируются, или фиксируются в иерархически подчиненной, например, предложной позиции, ср.: *Blumen binden* ‘связывать цветы’ – *Blumen zu einem Kranz / Strauß binden* ‘связывать, соединять, сплетать цветы в венок / букет’ – *Kränze / Sträuße binden* ‘плести венок, составлять букет’. В последнем сочетании из фокуса выведены, среди прочих, объект воздействия, или исходный материал (цветы), средство скрепления (проволока, нить и под.) и др. Такое представление ситуаций на поверхностном уровне коррелирует с разной ее интерпретацией, схематизацией и, соответственно, порождает разные значения глагола: ‘связывать, соединять, стягивать веревкой, проволокой и т.п.’ ↔ ‘создать, связывая, стягивая, скрепляя’.

Нельзя не отметить, что описанное выше метонимическое представление ситуации связывания, как, впрочем, и любой другой ситуации физического действия, одновременно характеризуется и ее метафорическим осмыслением. Ситуация действия структурируется по аналогии с ситуацией движения или перемещения объектов в пространстве, о чем свидетельствуют также примеры *einen Kahn* ***an*** *einen Pflock / das Pferd* ***an*** *den Baum binden* ‘привязать лодку **к** колышку, лошадь **к** дереву’*; den Sattel* ***auf*** *das Pferd binden* ‘затянуть седло **на** лошади’*; eine Schur* ***um*** *das Paket binden* ‘обвить шпагат **вокруг** пакета’ (см. об этом подробнее [15]).

Приведенные значения глагола *binden* объединены тем, что относятся к одному домену «физическое воздействие на объекты реального мира», что и является, по мнению многих когнитологов, отличительным свойством метонимии в сравнении с метафорой, которая отражает результат совмещения принципиально разных доменов.

Анализ метафорических значений анализируемого глагола позволяет выявить, что в процессе их порождения ментальные структуры, отражающие практический, телесный опыт, «накладываются» на более абстрактные ситуации. В такой совмещенной структуре (пространстве) выделяется **один или несколько компонентов**, которые кладутся в основу новой ментальной сущности.

В рассматриваемом примере профилируется, помещается в фокус компонент «цель/результат»: связать, скрепить что-либо → лишить подвижности, свободы движений → лишить свободы действий. О том, что здесь мы имеем дело со смежностью, ярко свидетельствует пример *jmdm. die Hände binden* ‘связать кому-либо руки’, переносное значение которого рождается, на наш взгляд, за счет смещения фокуса с физического действия на смежную в пространстве и времени «несвободу» человека, невозможность свободно манипулировать руками, то есть действовать.

Подобным образом из экспериенциальной, телесно-опытной структуры «быть привязанным, прикованным к чему-либо» (например, *an den Marterpfahl gebunden sein* ‘быть привязанным / прикованным к столбу для пыток’) рождаются употребления или значения не только типа *an den Rollstuhl / an das Bett gebunden sein* ‘быть прикованным (досл.: привязанным) к инвалидной коляске / к постели’, но и *an sein*

Versprechen / an sein Haus / an bestimmte Bedingunen / Kriterien / an die Absprachen gebunden sein ‘быть связанным своим обещанием / привязанным к дому / зависеть от обстоятельств / определенных критериев / договоренностей’ и мн. др.

Следует отметить, что цель действия, именуемого глаголом *binden,* предопределена объектом воздействия: при воздействии на неодушевленные объекты – «скрепить, удерживать вместе»; если объектом является живое существо (лошадь, собака, человек) – «ограничить свободу движений / действий». В переносных значениях цель несколько модифицирована – не просто быть лишенным свободы действий, а руководствоваться в своих поступках и решениях данным обещанием, договоренностями, законом, правом и т.д. Такое «приращение» смысла – отражение той новой сущности, которая появляется в результате совмещения двух доменов и не является простой суммой их структурных компонентов (так же, как ребенок, наследуя отдельные черты и качества обоих родителей, не является копией ни одного из них). Не случайно поэтому в лингвистической литературе имеет место термин «метонимическое расширение», который следует понимать не только как количественное увеличение новых значений, но и как отражение указанного речемыслительного процесса.

Еще большую редукцию исходной концептуальной структуры отражает переносное значение глагола в высказывании *Der Regen bindet den Staub* ‘Дождь прибивает (досл.: связывает) пыль’. В отличие от приведенных выше сочетаний типа *Kränze / Sträuße binden* ‘плести венки, вязать / с оставлять букеты», где средство и исходный материал – цветы выведены из фокуса, но входят в концептуальную структуру, в психический образ ситуации, т.е. имплицированы, в ситуации *Der Regen bindet den Staub* выведенные за кадр на поверхностном уровне агенс и цель не могут быть восстановлены даже мысленно. Дождь, то есть жидкость, являющийся в данном случае средством, «повышается в ранге» и получает коммуникативный статус субъекта высказывания. Но, как и в ранее приведенных примерах, метонимия и здесь идет «рука об руку» с метафорой, когда действие природной силы представляется по аналогии с действием человека: дождь как бы (as if) удерживает частицы пыли вместе, препятствует их свободному перемещению в пространстве.

Нельзя не отметить еще одну особенность анализируемого значения. Цель действия коррелирует уже не с признаком объекта «одушевленный – неодушевленный» (см. выше), в фокус выводится признак «подвижный, динамичный». Хотя частицы пыли представляют собой неодушевленные объекты, речь в рассматриваемой ситуации идет не об их соединении, скреплении (как в *Blumen, Reisig binden* ‘связывать цветы, вязать хворост’) и, конечно, не о создании таким образом нового объекта, а о лишении их возможности перемещения в пространстве. Ср. также: *Die Polizei musste ausgeflossenes Öl / Benzin binden* ‘Полиция должна была остановить распространение вытекшей нефти / бензина’, где объект воздействия – не отдельные материальные сущности, подлежащие соединению и скреплению, а распространяющаяся в пространстве масса вещества.

Этот факт свидетельствует о сложности речемыслительных процессов, одновременно протекаемых в сознании человека и лишь условно и с определенной долей огрубления поддающихся описанию в терминах метафоры, метонимии и т.п. Образы в нашем сознании диффузны, обладают рядом ассоциативных связей друг с другом, а деятельность сознания характеризуется многомерностью, гибкостью, что, отражаясь и закрепляясь в языке, и предопределяет трудности в его описании и объяснении.

В завершение следует отметить, что в отношении семантических процессов, описанных выше и наблюдаемых также на других глаголах, термин «метонимический перенос» несколько искажает речемыслительную реальность. Перенос имени с одного объекта на другой, действительно, имеет место в сфере имени существительного: *выращивать чай – пить чай.* В семантической же структуре глагола отдельные лексико-семантические варианты (ЛСВ) отражают скольжение, **смещение** фокуса внимания с одного элемента ситуации на другой, выделение одних компонентов и выведение из фокуса других. Поскольку глагол отражает протекание действия во времени, то языковой репрезентации (или номинации) предшествует «процесс сознательной **изоляции** звена из цепочки, выделение особого фрагмента каузальной цепи» [9, с. 264].

Выделенный таким образом и изолированный, то есть извлеченный из совокупной концептуальной структуры, фрагмент представляет на языковом уровне соответствующую ментальную сущность по принципу pars pro toto, обеспечивая к ней доступ.

Выводы. Метонимия является не менее фундаментальным механизмом мышления, чем метафора. В исследовании многозначности глаголов (в данном случае – физического действия) многие ЛСВ оказывается возможным объяснить действием этого когнитивного механизма, который проявляется в сфере глагольной лексики ярче, чем в сфере существительных, и имеет определенную специфику проявления. Кроме того, в мыслительной деятельности метафора и метонимия часто сопряжены и взаимообусловле-

ны, что приводит к трудностям в их разграничении. Следовательно, и сами категории *метафора* и *метонимия* проявляют черты естественных категорий – наличие центра и периферии, отсутствие четких границ, фамильное сходство отдельных представителей и другое, что свидетельствует о новом понимании этих явлений в современной парадигме лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Электронный ресурс] / Р. Якобсон. – Режим доступа: http: //philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm. – Дата доступа: 12.11.2008.
2. Coulson, S. Metonymy and conceptual blending / S. Coulson, T. Oakley // Metonymy and pragmatic inferencing; ed. by K.-U. Panther, L. L. Thornburg. – John Benjamins B.V., 2003. – P. 51 – 79.
3. Dirven, R. Metonyny and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation / R. Dirven // Metaphor and metonymy in comparison and contrast; ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 75 – 111.
4. Якобсон, Р. Два аспекта и два типа афатических нарушений / Р. Якобсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 110 – 132.
5. Barcelona, A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update / A. Barcelona // Metaphor and metonymy in comparison and contrast; ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 207 – 177.
6. Taylor, J.R. Category extension be metonymy and metaphor / J.R. Taylor // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 323 – 347.
7. Barcelona, A. The case for a metonymic basis of pragmatic inferencing. Evidence from jokes and funny anecdotes / A. Barcelona // Metonymy and pragmatic inferencing; ed. by K.-U. Panther, L.L. Thornburg. – John Benjamins B.V., 2003. – P. 81 – 102.
8. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 111 – 125.
10. Riemer, N. When is a metonymy no longer a metonymy? / N. Riemer // Metaphor and metonymy in comparison and contrast; ed. by R. Dirven, R. Pörings. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 379 – 405.
11. Словарь литературных терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovar.lib.ru /dictionary/ /metonimija.htm. – Дата доступа: 12.11.2008.
12. Кубрякова, Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия: сб. ст. / Ин-т языкознания РАН. – М.: Наука, 1992. – С. 84 – 90.
13. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А.Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
14. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
15. Фурашова, Н.В. Когнитивный аспект семантики глаголов физического действия в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 – германские языки / Н.В. Фурашова. – Минск, 1999. – 151 с.

Поступила 21.11.2008